

М.А. Платэ

ОБРАЗ МАРИИ СТЮАРТ В ИСТОРИИ ФРАНЦИИ И ШОТЛАНДИИ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; platem@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена диахроническому анализу эволюции образа Марии Стюарт во французском и шотландском культурных пространствах с применением концепции культурной памяти Яна и Алейды Ассман. Цель исследования — выявление механизмов трансформации исторической личности из субъекта коммуникативной памяти в устойчивый символ культурной памяти, а также определение специфики функционирования данного образа в условиях современной коммодификации истории. Актуальность работы обусловлена необходимостью понимания того, как национальные нарративы конструируют идентичность через «фигуры памяти», адаптируясь к меняющимся политическим запросам. На материале литературы Возрождения и Романтизма, живописи школы Клуэ, а также современных медиапродуктов прослеживается динамика восприятия королевы. Во французской традиции образ прошел путь от политико-династического символа «Старого Союза» к эстетизированному идеалу «белой королевы» и романтическому мифу о жертве. В современной Франции он перешел в статус пассивной памяти и функционирует как бренд в индустрии роскоши. В шотландском дискурсе фигура Марии эволюционировала от объекта религиозного отторжения к ключевому символу национальной идентичности и суверенитета и активно используется в политике памяти как маркер отличия от английской гегемонии. Исследование демонстрирует асинхронность культурной памяти: если для Шотландии образ остается элементом активной функциональной памяти, то для Франции стал частью исторического архива, лишенного острой политической коннотации, но сохраняющего коммерческую привлекательность. Результаты подтверждают тезис: устойчивость культурного образа обеспечивается не сохранением первоначального смысла, а способностью к постоянной семиотической «перезагрузке».

Платэ Мария Алексеевна — кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; platem@mail.ru

© Платэ М.А., 2026

Ключевые слова: Мария Стюарт, культурная память, Ян Ассман, Алейда Ассман, Франция, Шотландия, диахронический анализ, коммодификация, Франсуа Клуэ, визуальный канон, национальная идентичность, Старый Союз

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-3-9

Для цитирования: Платэ М.А. Образ Марии Стюарт в истории Франции и Шотландии: диахронический аспект // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2026. Т. 29. № 3. С. 135–148. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-3-9

Введение

Культурные связи Франции и Шотландии, исторически оформленные в рамках «Старого Союза» (The Auld Alliance, 1295 г.), представляют собой уникальный феномен межкультурного взаимодействия, выходящий далеко за пределы военно-политического партнерства. Одну из ключевых ролей в этом длительном диалоге играет Мария Стюарт (1542–1587 гг.), чья биография стала не просто историческим фактом, но живым культурным текстом, подвергающимся постоянной реинтерпретации. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к механизмам конструирования исторической памяти и адаптации национальных нарративов в условиях глобализации. Образ Марии Стюарт демонстрирует редкий случай устойчивости культурного кода, способного функционировать на протяжении более чем четырех столетий, меняя свои семиотические характеристики в соответствии с доминирующими дискурсивными практиками каждой эпохи.

Цель данной работы заключается в выявлении диахронической динамики восприятия фигуры Марии Стюарт во французском и шотландском культурных пространствах, а также в анализе механизмов трансформации исторического персонажа в многофункциональный символ современной культуры. Объектом исследования выступает процесс конструирования и трансляции образа королевы, предметом — специфика его репрезентации в визуальном искусстве, литературе и массовых потребительских практиках от XVI века до наших дней.

Методологическую основу составляют историко-культурный подход, метод культурной памяти, семиотический анализ визуальных текстов и концепция культурного трансфера. Ключевым теоретическим инструментом служит концепция немецких исследователей Яна и Алейды Ассман, рассматривающих образ исторической

личности как продукт культурной памяти — социально сконструированного нарратива, который меняется со временем [Assmann, 2014; Assmann, 2016]. В диахронике этот образ проходит путь от реального человека до вневременного символа-мифа, отражающего ценности эпохи. Согласно концепции Ассманов, память переходит из сферы *коммуникативной* (живые свидетели, устные рассказы) в сферу *культурной* (тексты, памятники, ритуалы), где она стабилизируется, но становится также и объектом интерпретации. Каждое новое поколение «перечитывает» личность через призму своих актуальных проблем, осуществляя реконтекстуализацию образа.

В данном исследовании мы опираемся также на наши предыдущие работы, посвященные аспектам культурной ассимиляции и восприятия образа Марии Стюарт во Франции [Платэ, 2015; Платэ, 2018; Платэ, 2023], дополняя их шотландским контекстом и углубляя теоретический анализ через призму теории памяти Яна и Алейды Ассман.

Концепция Яна и Алейды Ассман позволяет рассматривать динамику образа исторической личности не как линейное накопление фактов, а как серию трансформаций коммуникативных кодов. Ян Ассман выделяет два типа памяти: коммуникативную и культурную. Коммуникативная память охватывает период примерно в 80–100 лет (жизнь трех поколений) и характеризуется высокой степенью субъективности, опорой на личный опыт и отсутствие жесткой институционализации. Культурная память, напротив, относится к далекому прошлому, фиксируется в объективированных формах (тексты, изображения, памятники) и требует специальных институтов передачи (образование, праздники, ритуалы) [Assmann, 2014].

Алейда Ассман дополняет эту модель понятиями «функциональной памяти» и «памяти-хранилища» или «архива». Функциональная память активна, она формирует идентичность группы, отбирая и интерпретируя прошлое в соответствии с текущими потребностями настоящего. Архив же содержит пассивную, неактуализированную информацию, которая может быть извлечена и переведена в статус функциональной памяти при изменении культурного контекста [Assmann, 2016].

Применительно к образу Марии Стюарт эта теория позволяет объяснить, почему одна и та же историческая фигура имеет столь разный вес и значение в национальной памяти Франции и Шотландии. Если в XVI веке образ существовал в поле коммуникативной

памяти, расколотой по конфессиональному признаку, то в последующие века он кристаллизовался в культурную память, пройдя стадии мифологизации, романтизации и, наконец, современной коммодификации. Диахронический анализ позволяет проследить, как образ переходил из статуса активного политического символа в статус эстетического канона, а затем — в товарный знак.

Этап I. Коммуникативная память и политическая инструментализация (XVI век)

Прибытие пятилетней Марии Стюарт во Францию в 1548 году ознаменовало начало периода интенсивной культурной ассимиляции шотландской элиты при французском королевском Дворе. Воспитание при дворе Генриха II Валуа и Екатерины Медичи сформировало уникальный культурный гибрид. Мария демонстрировала исключительную лингвистическую адаптивность, предпочитая французский язык и даже инициировав изменение орфографии династического имени со Stewart на Stuart, что символизировало её глубокую интеграцию во франкофонную среду [Bingham, 1975]. Этот лингвистический жест можно рассматривать как первый акт конструирования образа, отделяющий «французскую» Марию от её шотландских корней.

В этот период образ королевы функционировал преимущественно в политико-династическом регистре. Она воспринималась как живой символ альянса, гарант легитимности французского влияния в Британии и воплощение куртуазного идеала. В коммуникативной памяти французских современников Мария была «своей» — франкоязычной, католической, изящной. Стихотворения поэтов группы «Плеяда», Пьера де Ронсара и Жоашена дю Белле, стали текстовым отражением этого восприятия. Ронсар в оде *Sur le départ de la reine d'Écosse* (1561 г.) превращает отъезд Марии в Шотландию в метафизическую катастрофу, называя её «светом Франции» [Ронсар, 1982]. Для Ронсара уход Марии знаменует «увядание природы и молчание муз». Дю Белле разделяет переживания Ронсара, утверждая, что «Шотландия слишком мала для такой королевы». В этих стихах формируется устойчивая оппозиция: цивилизованная, напоминающая райский сад Франция противопоставляется варварской, туманной Британии. Франция в этом дискурсе — пространство счастья, а Шотландия — место ссылки.

Особую роль в канонизации образа Марии сыграл Пьер де Брантом. В своих «Жизнеописаниях знаменитых женщин» он создает детальный психологический портрет королевы, акценти-

руя внимание на её достоинстве перед лицом смерти через сцену прощания с Францией, превратив фразу «Прощай, Франция, я больше никогда тебя не увижу!» в литературный топос [Брантом, 1998].

По возвращении в Шотландию в 1561 году Мария Стюарт столкнулась с радикально иным культурным ландшафтом. Пуританская Шотландия эпохи Реформации, находившаяся под влиянием проповедей Джона Нокса, встретила католическую королеву, воспитанную в роскоши Двора Валуа, с подозрением и враждебностью. Этот исторический разрыв породил первую диалектическую пару в восприятии её образа в рамках коммуникативной памяти: во Франции — идеализированная «белая королева», в Шотландии — чужеродный элемент, несущий угрозу религиозной и социальной идентичности. В шотландском протестантском дискурсе XVI века её имя ассоциировалось с пороком и идолопоклонством. Таким образом, на этапе коммуникативной памяти образ был глубоко расколот: для французов она была воплощением утраченной гармонии Двора Валуа, для шотландских реформаторов — агентом папского Рима.

Этап II. Институционализация и формирование визуального канона (конец XVI — XVII век)

С уходом поколения современников образ Марии Стюарт начал переходить в сферу культурной памяти. Ключевую роль в этом процессе сыграла живопись Северного Возрождения, в частности, творчество Франсуа Клуэ, придворного художника Генриха II. Портреты Клуэ (1549–1560 гг.) не просто задокументировали внешность королевы, но создали устойчивый визуальный канон, функционирующий в наши дни.

Для стиля Клуэ, характерного для северного маньеризма, типичны фарфоровая бледность кожи, подчеркивающая аристократическую чистоту, и рыжевато-каштановые волосы, скрытые под сложным головным убором (аттифэ). Однако ключевой особенностью является психологическая глубина: в отличие от парадных портретов современников, Мария на полотнах Клуэ предстает задумчивой, с легкой «фирменной» тенью меланхолии, что визуально кодирует её трагическую судьбу [Платэ, 2015: 65].

Особую семиотическую нагрузку несут детали костюма и украшения. Портрет «Мария Стюарт в белом трауре» (*Deuil blanc*, 1560–1561 гг.) стал иконическим изображением королевы. После смерти супруга Франциска II королева, согласно обычаю, носила белый траур. Белый цвет, традиционно ассоциировавшийся во Франции

XVI века с трауром, в сочетании с жемчужными нитями создавал сложный символический ряд. Жемчуг в эпоху Возрождения олицетворял непорочность, но в контексте портрета «белой вдовы» он трансформировался в метафору застывших слёз и вечной скорби. Религиозная атрибутика (розарио, массивные золотые кресты) выступала политическим жестом, демонстрирующим верность католицизму в противовес протестантской Англии. Геральдические элементы (флёр-де-лис как символ Франции и чертополох как символ Шотландии), интегрированные в ювелирный гардероб, визуализировали двойную легитимность монарха.

Таким образом, визуальный канон Клуэ зашифровал в себе не просто эстетический идеал, но целую систему политических, религиозных и эмоциональных кодов. Этот канон стал основой для последующей мифологизации. Во Франции эпохи Контрреформации и абсолютизма Марию Стюарт начали канонизировать как религиозный символ. Её образ конструировался как образ католической мученицы, безвинно пострадавшей от рук протестантов (Елизаветы I). Пишутся многочисленные теологические трактаты, трагедии (например, пьеса Антуана де Монкретьена «Шотландка», 1601 г.). Образ Марии использовался французской католической церковью и королями династии Бурбонов для легитимации собственной борьбы с гугенотами внутри Франции. Её реальная шотландская биография полностью заменялась агиографическим нарративом.

В Шотландии процесс институционализации шел иначе. После восшествия на английский престол сына Марии, Якова I (VI), началась государственная «политика памяти». В 1612 году Яков приказал перезахоронить останки матери в Вестминстерском аббатстве и воздвиг в её честь мраморный памятник. С этого момента образ Марии Стюарт официально вошел в государственный пантеон Великобритании, а острые углы её биографии начали сознательно сглаживаться. Однако в народной шотландской памяти образ долго оставался амбивалентным: с одной стороны, как Мария была жертвой английской экспансии, с другой — представительницей ненавистного католического французского Двора.

Этап III. Культурная память: романтический миф и эстетизация (XVIII–XIX века)

В XVIII–XIX веках образ Марии Стюарт окончательно освободился от религиозно-политических оков, превратившись в архетип романтической героини. В тот период происходит, согласно Яну и Алейде Ассман, «формирование устойчивой культурной памяти»,

когда травматичные исторические события теряют свою острую политическую окраску и перерабатываются в эстетические категории.

Во французском культурном пространстве Мария становится символом утраченной эпохи, носителем коллективной меланхолии. Упоминание её имени в романе мадам де Лафайет «Принцесса Клевская» и детальная реконструкция прощания с Францией в «Двух Дианах» Александра Дюма свидетельствуют о переходе от исторической хроники к художественному вымыслу, где фигура королевы служит инструментом создания атмосферы трагического величия и куртуазной ностальгии. Эпоха романтизма окончательно закрепляет за Марией Стюарт статус героини-жертвы. Виктор Гюго увидел в ней личность, раздавленную ходом истории. Для Гюго и Альфреда де Виньи Мария стала символом борьбы живого чувства против «политической машины» Елизаветы Тюдор.

Влияние немецкой литературы, в частности драмы Фридриха Шиллера «Мария Стюарт» (1800 г.), оказало огромное воздействие на французское восприятие образа Марии. Шиллер сознательно пошел на историческую фальсификацию (встреча двух королей, которой не было в реальности), чтобы обострить трагический конфликт свободы и долга. Этот миф укрепил Стефан Цвейг в своей знаменитой беллетризованной биографии «Мария Стюарт». Мария стала универсальным олицетворением «жертвенной женственности», противопоставленной холодному, расчетливому государственному разуму.

В Шотландии XIX века, после акта об Унии 1707 года, образ Марии подвергся тотальной романтизации в рамках движения за возрождение шотландской идентичности. Шотландии требовался миф, утверждающий её культурную самобытность внутри Британской империи. Из «преступницы» Мария превращается в символ «утраченной независимости и былой славы Шотландии». Замок Линлитгов, место её рождения, и Холирудский дворец становятся местами паломничества. Появляется культ реликвий: каждое кольцо, принадлежавшее Марии или копия её посмертной маски транслируют не историю Шотландии, а трагический миф о её королеве.

В этот период происходит постепенная десакрализация политического аспекта биографии Марии Стюарт и сакрализация эмоционального и эстетического аспекта. Королева перестаёт быть субъектом династических интриг и становится символом утраченной эпохи. Данный процесс соответствует механизмам культурной памяти, где история служит материалом для построения национальной идентичности.

Этап IV. Современность: коммодификация и асинхронность памяти (XX–XXI века)

В XXI веке образ Марии Стюарт претерпевает радикальную трансформацию, перейдя из сферы высокой культуры и академической историографии в индустрию роскоши и массовую культуру. Этот процесс иллюстрирует концепцию коммодификации исторической памяти, где архетипические образы конвертируются в экономический и символический капитал. Однако здесь проявляется ключевое различие между французским и шотландским дискурсами, которое можно описать через категории Алейды Ассман: функциональная память vs память-архив.

В современной Франции образ Марии Стюарт переходит в пассивную память («Архив») и коммерциализируется. Алейда Ассман называет этот процесс «функциональным забыванием». Современная французская идентичность строится вокруг ценностей Республики, Просвещения и Великой французской революции. Из монархического прошлого Франция актуализирует лишь ключевые фигуры (Людовик XIV, Наполеон, Жанна д'Арк). Мария Стюарт, бывшая французской королевой всего один год, перестает выполнять какую-либо функцию для французской идентичности.

Согласно концепции Ассманов, архив накапливает информацию, которая потеряла актуальность, но сохраняется для науки. Мария Стюарт во Франции сегодня — это персонаж академических монографий и исторических справочников. Она полностью лишена эмоционального или политического «заряда». Замки Луары (Шамбор, Блуа, Шенонсо), где Мария провела детство и юность, сегодня являются главными пространствами её репрезентации. Однако французская музейная индустрия использует её образ исключительно как декоративный и коммерческий элемент («экскурсионный бренд») для привлечения иностранных туристов. Французы воспринимают её не как часть «своей» истории, а как экзотическую британскую королеву, которая случайно оставила след во французской архитектуре [Платэ, 2023].

Еще одним показательным примером выступает французская индустрия моды. Межсезонная коллекция Chanel 2012 года, представленная в шотландском замке Линлитгов, стала манифестом современной интерпретации королевского наследия. Креативный директор Карл Лагерфельд сознательно объединил эстетику «белой невесты» и «белой вдовы», превратив исторический траурный и свадебный наряды в объекты глобального потребления. Выбор белого атласа для венчания с дофином Франциском, изначально воспри-

нимавшийся как смелый разрыв с традицией, был десакрализован и перекодирован в универсальный символ чистоты и элитарности [Платэ, 2018: 131].

Во французской гастрономической сфере образ также оформлен официально. Дом шампанского Marie Stuart в Реймсе (осн. 1867 г.) использует память о юности королевы в регионе для продвижения своего товара, превращая исторический факт её пребывания в Реймском аббатстве в элемент брендинга.

Для Шотландии диахронический путь развивался по иному сценарию. Здесь образ Марии Стюарт остался в режиме активной функциональной памяти. В контексте современных дискуссий о независимости Шотландии (особенно после Brexit) образ Марии используется как напоминание о периоде, когда Шотландия была самостоятельным, признанным в Европе государством, связанным с Францией «Старым Союзом» против Англии.

Холирудский дворец в Эдинбурге и замок Лохлевен функционируют не только как исторические памятники, но и как интерактивные пространства, где посетителю предлагают ознакомиться с биографией Марии в контексте её противостояния с Елизаветой Тюдор и давления Лондона. Происходит коммерциализация и превращение образа в национальный бренд. Шотландская виски-индустрия активно использует её имя: сорта виски Marie Stuart (Aberlour) и Highland Queen функционируют как маркеры аутентичности и премиального качества. Этикетка виски Highland Queen с изображением Марии верхом на лошади отсылает к её прибытию в Лейт, закрепляя нарратив возвращения законной королевы на родину.

Таким образом, в Шотландии Мария Стюарт сегодня — это ключевое лицо шотландского туризма и культурного суверенитета. Её образ используется для поддержания национальной идентичности, тогда как во Франции он растворился в более мощных республиканских нарративах.

Если рассматривать образ Марии Стюарт в глобальном контексте, то ключевую роль в актуализации её образа сыграл кинематограф. Выход крупных кинопроектов, таких как фильм Джозии Рурк «Две королевы» (2018 г.) и американский сериал «Царство» (2013–2017 гг.), спровоцировал волну интереса к эстетике эпохи Возрождения, получившую названия Renaissance Core и Royalcore. В этих дискурсах Мария Стюарт предстает не только как трагическая историческая фигура, но и как икона стиля. Особое внимание уделено нарядам и украшениям Марии.

Диахронический анализ позволяет выявить фундаментальную асинхронность в восприятии образа Марии Стюарт во Франции и Шотландии.

Критерий анализа	Образ в современной Шотландии	Образ в современной Франции
Режим памяти (по Ассман)	Активная память: образ функционален, эмоционально заряжен, постоянно воспроизводится в обществе	Пассивная память: образ сдан в «архив», зафиксирован в справочниках, но лишен эмоциональной связи с нацией
Роль в идентичности	Символ национальной самобытности, суверенитета и сопротивления внешнему (английскому) влиянию	Эпизодический персонаж эпохи Возрождения; декоративный элемент истории замков Луары
Визуальный канон	Используется для подтверждения исторической преемственности и трагизма национальной судьбы	Используется как эстетический референс в моде (Chanel) и люксовых товарах, оторванный от политики
Характер деконструкции	Феминизация и превращение в национальную «икону», защищающую шотландские ценности	Практически полное растворение образа в более мощных французских нарративах; коммодификация

Если Шотландия сделала Марию Стюарт сакральной «фигурой памяти» для объяснения своего настоящего, то Франция оставила её в «архиве» прошлого, передав монополию на этот миф Великобритании и глобальной поп-культуре. Однако именно благодаря этой «архивной» природе во Франции образ Марии оказался более гибким для коммерческого использования: он не несет багажа современных политических споров, что делает его идеальным для брендов роскоши.

Образ Марии Стюарт во французской и шотландской культуре представляет собой классический пример динамики культурной памяти. Пройдя путь от расколотой коммуникативной памяти эпохи Реформации к институционализированному визуальному канону Франсуа Клуэ и романтическому мифу XIX века, фигура королевы в XXI веке трансформировалась в многогранный культурный продукт.

Исследование, проведенное на основе концепции Яна и Алеиды Ассман, показало, что диахроническая устойчивость культурного образа обеспечивается не сохранением его первоначального смысла,

а способностью к постоянной семиотической «перезагрузке». Во Франции образ перешел из активной политической памяти в пассивный архив, сохранившись преимущественно в форме эстетического канона и коммерческого бренда. В Шотландии же он остался элементом активной функциональной памяти, служащим инструментом конструирования национальной идентичности и политического суверенитета.

Коммодификация образа в современной культуре (кинематограф, мода, гастрономия) демонстрирует десакрализацию исторической трагедии. Мария Стюарт сегодня выступает эффективным ресурсом межкультурной коммуникации, символическим мостом между Францией и Шотландией, позволяющим двум культурам говорить на общем языке истории, искусства и роскоши, нивелируя прошлые религиозные и политические конфликты. Однако этот процесс сопровождается уплощением истории: современный потребитель знает Марию Стюарт как «лицо с жемчугами» из рекламы или сериала, не всегда понимая глубину исторического конфликта, который она олицетворяла. Тем не менее, именно эта адаптивность позволяет образу Марии Стюарт оставаться актуальным спустя пять столетий, подтверждая тезис о том, что культурная память — это не зеркало прошлого, а проекция настоящего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман; пер. с нем. О.А. Кильдюшевой. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман; пер. с нем. М.М. Соколова. М.: Языки славянской культуры, 2014.
3. Брантом П. Жизнеописания знаменитых женщин / Пьер де Брантом; пер. с фр. Н. Эйдельмана. М.: Республика, 1998.
4. Платэ М.А. Культурная ассимиляция шотландцев во Франции: от истоков к современности // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: материалы Междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф. 2015. Т. 1. С. 64–65.
5. Платэ М.А. Мария Стюарт и ее образ в восприятии французов // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: материалы Междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф. 2018. Вып. 2. Т. 2. С. 130–133.
6. Платэ М.А. Обиньи-сюр-Нер — французский город с шотландским наследием // Коммуникативные коды в межкультурном пространстве как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения: материалы III Междисциплинар. науч. конф. М.: КДУ, Добросвет, 2023. С. 516–521.

7. Ронсар П. Сонеты, оды, элегии / Пьер де Ронсар; пер. с фр. В. Левики. М.: Правда, 1982.
8. Bingham C. The Stuart Kingdom of Scotland, 1371–1603. New York: St. Martin's Press, 1975.
9. Castor H. Elizabeth I and Mary Stuart: The Perils of Queenship. London: Faber & Faber, 2018.
10. Fraser A. Mary Queen of Scots. London: Weidenfeld & Nicolson, 1993.
11. Labovitch J. The Reinvention of Mary Stuart in French Romanticism // French Studies. 2011. Vol. 65. No. 2. Pp. 192–208.
12. Nora P. Les Lieux de mémoire. Vol. 1. Paris: Gallimard, 1984.
13. Phillips J.E. Images of a Queen: Mary Stuart in Sixteenth-Century Literature. Berkeley: University of California Press, 1964.
14. Wilkinson A. Mary, Queen of Scots and the French connection // History Today. 2004. Vol. 54. Iss. 5. Pp. 12–19.

Maria A. Platé

THE IMAGE OF MARY STUART IN THE HISTORY OF FRANCE AND SCOTLAND: A DIACHRONIC ASPECT

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; platem@mail.ru

Abstract. This article presents a diachronic analysis of the evolution of Mary Stuart's image in French and Scottish cultural spaces, employing the theoretical framework of cultural memory developed by Jan and Aleida Assmann. The primary objective is to identify the mechanisms through which a historical figure transforms from a subject of communicative memory into a resilient symbol of cultural memory, and to determine the specifics of this image's functioning in the contemporary context of historical commodification. The relevance of this study lies in the need to understand how national narratives construct identity through "figures of memory," adapting to shifting political and social demands. Drawing on materials from Renaissance and Romantic literature, the painting of the Clouet school, and modern media products (cinema, fashion industry, gastronomic branding), the study traces the dynamics of the queen's perception. In the French tradition, Mary Stuart's image evolved from a political-dynastic symbol of the "Auld Alliance" to an aestheticized ideal of the "White Queen," cemented in the visual canon of François Clouet, and subsequently into a romantic myth of a victim of circumstance. In modern France, this image has undergone desacralization and transitioned into the status of passive memory ("archive"), functioning primarily as an element of tourist positioning for the Loire châteaux and as a brand in the luxury industry. Conversely, in the Scottish discourse, Mary's figure evolved from an object of religious rejection during the Reformation to a key symbol of national identity and sovereignty. Today, in Scotland, her image is actively utilized in the politics of memory as a marker of distinction from English hegemony. The research demonstrates the asynchrony of cultural memory

in both countries: while for Scotland Mary Stuart remains an element of active functional memory, for France she has become part of the historical archive, devoid of acute political connotation but retaining high commercial appeal. The results confirm the thesis that the sustainability of a cultural image is ensured not by preserving its original meaning, but by its capacity for constant semiotic reloading and integration into contemporary consumption practices. This comparative perspective highlights how the same historical personality can serve diametrically opposite functions in the national identities of two interconnected cultures.

Keywords: Mary Stuart, cultural memory, Jan Assmann, Aleida Assmann, France, Scotland, diachronic analysis, commodification, François Clouet, visual canon, national identity, Auld Alliance

For citation: Platé M.A. (2026) The image of Mary Stuart in the history of France and Scotland: a diachronic aspect. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 3(29), pp. 135–148. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-3-9 (In Russ.)

About the author: Maria A. Platé — PhD in Cultural Studies, Assistant Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; platem@mail.ru

REFERENCES

1. Assmann A. 2016. *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russ.)
2. Assmann J. 2014. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in High Cultures of Antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. (In Russ.)
3. Brantôme P. 1998. *Zhizneopisaniya znamenitykh zhenshchin* [Lives of Famous Women]. Moscow, Respublika Publ. (In Russ.)
4. Plate M.A. 2015. Kul'turnaya assilyatsiya shotlandtsev vo Frantsii: ot istokov k sovremennosti [Cultural assimilation of the Scots in France: from origins to modernity]. In *Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya*, vol. 1. Moscow. (In Russ.)
5. Plate M.A. 2018. Mariya Styuart i yeye obraz v vospriyatii frantsuzov [Mary Stuart and her image in the perception of the French]. In *Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya*, vol. 2, no. 2. Moscow. (In Russ.)
6. Plate M.A. 2023. Obinyi-syur-Ner — frantsuzskiy gorod s shotlandskim naslediyem [Aubigny-sur-Nère — a French city with Scottish heritage]. In *Kommunikativnyye kody v mezkul'turnom prostranstve kak sredstvo formirovaniya obshchegumanitarnykh kompetentsiy cheloveka novogo pokoleniya*. Moscow, KDU, Dobrosvet Publ. (In Russ.)
7. Ronsard P. 1982. *Sonety, ody, elegii* [Sonnets, Odes, Elegies]. Moscow, Pravda Publ. (In Russ.)

8. Bingham C. 1975. *The Stuart Kingdom of Scotland, 1371–1603*. New York, St. Martin's Press.
9. Castor H. 2018. *Elizabeth I and Mary Stuart: The Perils of Queenship*. London, Faber & Faber.
10. Fraser A. 1993. *Mary Queen of Scots*. London, Weidenfeld & Nicolson.
11. Labovitch J. 2011. The Reinvention of Mary Stuart in French Romanticism. *French Studies*, vol. 65, no. 2, pp. 192–208.
12. Nora P. 1984. *Les Lieux de mémoire*. Paris, Gallimard. (In French)
13. Phillips J.E. 1964. *Images of a Queen: Mary Stuart in Sixteenth-Century Literature*. Berkeley, University of California Press.
14. Wilkinson A. 2004. Mary, Queen of Scots and the French connection. *History today*, vol. 54, no. 5, pp. 12–19.

Статья поступила в редакцию 09.04.2026;
одобрена после рецензирования 26.05.2026;
принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 09.04.2026;
approved after reviewing 26.05.2026;
accepted for publication 08.06.2026.